

Фёдор Шаляпин

Страницы из моей жизни

Москва
2016

УДК 82-6
ББК 83.3-8
Ш18

Шаляпин Ф.

Ш18 Страницы из моей жизни / Ф. Шаляпин. — М.: Книга по Требованию, 2016.
— 438 с.

ISBN 978-5-519-49590-5

Книгу о своей жизни Фёдор Шаляпин написал также искренне, сердечно и талантливо, как пел. Помог ему в этом любимый друг — Алексей Максимович Горький.

УДК 82-6
ББК 83.3-8

ISBN 978-5-519-49590-5

© Книга по Требованию, оформление, 2016

Книгу о своей жизни Ф.И. Шаляпин написал так же искренне, сердечно и талантливо, как пел. Помог ему в этом любимый друг Алексей Максимович Горький. Она увлекательна с первых же страниц и интересна самому широкому кругу читателей.

Комментарии Е. А. Грошевой, по сути, небольшая документальная повесть, дополняющая рассказ великого певца о времени и о себе через воспоминания современников.

От составителя

Предлагаемые читателю «Страницы из моей жизни» Ф. И. Шаляпина имеют свою историю. Почти с самого начала выступлений Шаляпина на сцене Русской частной оперы в Москве (в просторечии называемой «Мамонтовской» по фамилии ее создателя, крупного промышленника и мецената С. И. Мамонтова) стало возрастать внимание общественности к молодому певцу. Триумфальные успехи артиста, особенно заявившего себя выдающимся художником в опере Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка», в которой Шаляпин создал неповторимый образ Ивана Грозного, вызвали всеобщее восхищение его гениальным талантом. Сам автор «Псковитянки» высказался о Шаляпине как о несравненном создателе столь сложного образа. А В. В. Стасов – широко известный критик, публицист, пропагандист «Могучей кучки», услышав Шаляпина, восторженно воскликнул: «Одним великим художником стало больше!»

В это время Шаляпину было всего 25 лет!

Передовые деятели русской культуры и искусства сразу подняли на щит юного артиста, признав его как ярчайшего новатора в области сценического реализма. Так же оценили певца и зрители, толпами рвавшиеся на шаляпинские выступления как в опере, так и в концертах.

«Ф. Шаляпин – лицо символическое; это удивительно целостный образ демократической России...» – писал А. М. Горький, ставший самым близким и дорогим для Шаляпина другом.

Столь же быстро нарастал и интерес прессы к певцу. Огромное количество статей и высказываний маститых авторов, множество интервью и различных заметок, его портреты в жизни и в ролях заполнили газеты и журналы.

Но не дремали и реакционные круги, «желтые», бульварные газетенки, частенько раздувавшие нелепые басни, всякого рода сплетни и небылицы о певце. На самом деле ряд так называемых «скандалов» Шаляпина обычно были вызваны неприятием им трактовок той или иной оперы или партии, отдельных дирижеров и исполнителей.

Возможно, подобные обстоятельства сыграли определенную роль в том, что по инициативе Горького летом 1916 года, уединившись в Форосе (Крым) и пригласив с собою стенографистку, оба друга начали работу над автобиографией Шаляпина. Просто и правдиво, без каких-либо прикрас артист вспоминал о своем бедном, даже нищем детстве, раннем увлечении искусством, первых шагах на сцене, работе в театрах, а Горький редактировал запись, может быть, не очень стройного рассказа Шаляпина, внося некоторую толчку и от себя. Так родились «Страницы из моей жизни».

В результате уже в 1917 году в журнале «Летопись» (№ 1–12) была опубликована первая половина «Страниц», включая встречи Шаляпина со Стасовым.

Поначалу родилась мысль дать от имени артиста небольшое предисловие к его «Страницам», но по каким-то соображениям оно не вошло в книгу. И текст предполагавшегося предисловия спустя много лет был

опубликован в начале комментария к первому тому двухтомника «Ф. И. Шаляпин» (1957 г.).

Однако ныне составитель счел уместным дать это предисловие, как и предполагалось ранее, перед «Страницами из моей жизни».

Что же касается второй части «Страниц» (завершающихся рассказом Шаляпина о своем возвращении в Россию из-за границы в связи с началом Первой мировой войны), то ее своевременному выходу в свет помешали революционные события 1917 года. Впервые эта часть была опубликована в том же двухтомнике по рукописи Горького (хранящейся в архиве писателя)*.

Составитель счел также уместным приобщить к данному изданию «Страниц» завершающий текст книги, продиктованный Шаляпиным во время пребывания в Америке в середине 20-х годов и до недавних пор неизвестный нашим читателям. Данный текст (как и несколько небольших фрагментов, дотоле также нам неизвестных) взят здесь в квадратные скобки. Это дополнение вошло в «Страницы» при их публикации на английском языке в Нью-Йорке, в 1926 году. Редактором американского издания стала Катарина Райт, «соная леди», как называл ее Шаляпин, добровольно взявшая на себя секретарские обязанности при певце и из преданности ему даже выучившая русский язык. В данном издании вышеуказанные дополнения приводятся в переводе на русский язык по книге: Ф.Шаляпин. Страницы из моей жизни, Л., 1990.

* Полный текст рукописи имелся также и у Шаляпина.

Предисловие

«Я считаю нужным предупредить читателя, что автобиография написана и печатается мною не в целях саморекламы, – я вполне достаточно и всюду рекламирован моею четвертьвековой работой на сценах русских и европейских театров.

Я написал и печатаю правдивую историю моей жизни и не в целях самооправдания.

Мне хочется, чтоб книга моя внушила читателям несколько иное отношение к простому человеку низов жизни, возбудила бы больше внимания и уважения к нему. Я думаю, что только внимание и уважение к ближнему может создать для него те условия, в которых он, с наименьшим количеством бесполезно затраченной энергии, привнесет в жизнь наибольшее количество красивого, доброго и умного.

Вот искреннее мое желание.

Я знаю: никто не поверит мне, если я скажу, что не так грешен, как обо мне принято думать. И если порою у меня невольно вырывалась жалоба или резкое слово – я извиняюсь. Что делать? Я – человек и чувствую боль, как все.

Я написал эти, может быть, скучные страницы для того, чтоб люди, читая их в это трудное время угнетения духа и тяжких сомнений в силе своей, подумали над жизнью русского человека, который хотя и с великим трудом, но вылез, выплыл с грязного дна жизни на поверхность ее и оказал делу пропаганды русского искусства за границей услуги, которые нельзя отрицать.

Забудьте, что этого человека зовут Федор Шаляпин, и подумайте о тех сотнях и тысячах, которые по природе своей даровиты не менее Шаляпина, Горького, Сурикова и множества других, но у которых не хватило сил победить препятствия жизни, и они погибают, задавленные ею, может быть, каждый день.

На этом я кончу.

В книге моей много недосказано, о многом я нарочито умолчал. Это сделано не из желания спрятать себя, — я ведь не исповедовался, а рассказывал, это сделано по силе некоторых внешних причин, и пока я лишен возможности устранить их своей волей.

Я просил бы верить, что мне нет надобности кривить душою, прятать свои недостатки, оправдываться и вообще выставлять себя лучше, чем я есть».

Помню себя пяти лет.

Темным вечером осени я сижу на полатях у мельника Тихона Карповича, в деревне Ометовой, около Казани, за Суконной слободой. Жена мельника, Кирилловна, моя мать,¹ и две-три соседки прядут пряжу в полутемной комнате, освещенной неровным, неярким светом лучины. Лучина воткнута в железное держальце — светец; отгорающие углы падают в ушат с водою, и шишат, и вздыхают, а по стенам ползают тени, точно кто-то невидимый развешивает черную кисею. Дождь шумит за окнами; в трубе вздыхает ветер.

Прядут женщины, тихонько рассказывая друг другу страшные истории о том, как по ночам прилетают к молодым вдовам покойники, их мужья. Прилетит умерший муж огненным змеем, рассыплется над трубою избы снопом искр и вдруг явится в печурке воробышком, а потом превратится в любимого, по ком тоскует женщина.

Целует она его, милует, но когда хочет обнять — он просит не трогать его спину.

— Это потому, милые мои, — объясняла Кирилловна, — что спины у него нету, а на месте ее зеленый огонь, да такой, что коли тронуть его, так он сожжет человека с душою вместе...

К одной вдове из соседней деревни долго летал огненный змей, так что начала вдова сохнуть и задумываться. Заметили это соседи; узнали, в чем дело, и

велели ей наломать лутошек в лесу да перекрестить ими все двери и окна в избе и всякую щель, где какая есть. Так она и сделала, послушав добрых людей. Вот прилетел змей, а в избу-то попасть и не может! Обратился со зла огненным конем да так лягнул ворота, что целое полотнище свалил.

Мать моя тоже рассказывала страшные истории, особенно памятна мне одна: в небесах у господ бога был архангел Сатанаил, воевода всего небесного воинства, и возгордился он, и стал подговаривать всех ангелов и другие чины небесные воспротивиться богу. А бог узнал об этом и низринул Сатанаила с небес, но нужно было найти в небе заместителя ему. Было там одно существо – Миха, существо шершавое, отовсюду у него – из ушей, из носа – росли волосы, но было оно доброе и бесхитростное. Только однажды оно украло у бога землю, – бог позвал его, погрозил пальцем и велел землю отдать. Миха стал вынимать ее из ушей, из ноздрей, а что было во рту спрятано – не показывает. Тогда бог сказал ему:

– Плюнь!

Плюнул Миха и – появились горы.

Так вот, прогнав Сатанаила, бог позвал Миху, да и говорит ему:

– Хоть ты и не умный, а все-таки лучше я тебя возьму воеводой небесных сил, в архистратиги. Ты не станешь мутить в небесах. И будешь ты отныне не Миха, а Михаил, Сатанаил же будет просто – сатана!

Все эти рассказы очень волновали меня; и страшно и приятно было слушать их. Думалось: какие удивительные истории есть на свете, как все жутко и просто, и какой добряк бог!

Вслед за рассказами женщины под жужжание веретен начинали петь заунывные песни о белых, пушистых снегах, о девичьей тоске и о лучинушке, жалуясь,

что она неясно горит. А она и в самом деле неясно горела. Под грустные слова песни душа моя тихонько грезила о чем-то, я летал над землею на огненном коне, мчался по полям среди пушистых снегов, воображал бога, как он рано утром выпускает из золотой клетки на простор синего неба солнце – огненную птицу.

– Поздно, пора бы уж Ивану-то прийти! – слышал я сквозь дрему голос матери.

Иван – это мой отец². Он приходил домой около полуночи, утром в семь пил чай и отправлялся в «присутствие». Слово «присутствие» пугало меня, напоминая суд, судьей, а о суде я наслушался немало страшного. После я узнал, что «присутствие» – уездная земская управа, где отец служил писцом.

До управы от нашей деревни было верст шесть; отец уходил на службу к девяти часам утра, в четыре являлся домой обедать, а в семь, отдохнув и напившись чаю, снова исчезал на службу до двенадцати часов ночи.

Однажды я заметил, что прошло уже двое суток, а отец не приходил домой, и мать – в тревоге. На третьи сутки он явился пьяный, и мать встретила его слезами и упреками.

– Как теперь быть, чем станем кормиться? – спрашивала она со страхом и тоскою.

Жутко и обидно было слышать, как отец, ругая мать заторными словами улицы, кричал:

– Отстань, убирайся к черту, дай мне жить! Надоели вы мне, я только и знаю, что работаю. Надо же и мне когда-нибудь погулять!

Тут я понял, что отец ходит в «присутствие» работать и что он пропил месячное жалованье, как делали это многие из служащих людей. Я уразумел также, что на заработке отца построена вся наша жизнь. Это на его деньги мать покупает огурцы, картофель, делает из

ржаных толченых сухарей или крошеного черствого хлеба вкусную «муру» – холодную похлебку на квасу, с луком, солеными огурцами и конопляным маслом. И это на деньги отца мать торжественно делает раз в месяц пельмени – кушанье, которое я жадно люблю и которого всегда нетерпеливо ожидаю, хотя мне известно, что его можно есть только однажды в месяц, «после 20-го».

С этой поры я стал относиться к отцу внимательнее, потому ли, что почувствовал свою зависимость от него, или потому, что был обижен и напуган его словами. А он начал выпивать все чаще и, наконец, – каждое двадцатое число.

Сначала это число проходило без ссор, только мать тихонько плакала где-нибудь в углу, а потом отец стал обращаться с нею все грубей, и, наконец, я увидел, что он бьет ее. Я завизжал, закричал, бросился на помощь ей, но, разумеется, это ей не помогло; только мне больно попало по голове и по шее. Я отскакивал от ударов отца, кувырком катался по полу, – мне ничего не оставалось, кроме криков и слез. Случилось, что он забил мать до бесчувственного состояния, и я был уверен, что она померла: она лежала на сундуке в изодранном платье, без движения, не дыша, с закрытыми глазами. Я отчаянно заревел, а она, очнувшись, оглянулась дико и потом приласкала меня, спокойно говоря:

– Ну не плачь, ничего!

И, как всегда, наклонив мою голову на колени себе, стала избивать паразитов в волосах у меня, грустно утешая:

– Мало ли чего с пьяными дураками бывает, ты, мальчиша, не гляди на это, не гляди, родной!

После драк начиналась обычная жизнь: отец снова аккуратно ходил в «присутствие», мать пряла пряжу, шила, чинила и стирала белье. За работой она всегда